

УДК81.42

**РУССКИЙ ЯЗЫК В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ:
МОЛОДЕЖНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ
СТРАТЕГИИ**

Ольга Ивановна Рыбальченко

кандидат филологических наук, доцент

rybalchenkoo@yandex.ru

Никита Дмитриевич Чендев

студент

chende2003@gmail.com

Мичуринский государственный аграрный университет

г. Мичуринск, Россия

Аннотация. В данной статье предпринимается попытка комплексного анализа стилистических, структурных и когнитивных изменений, происходящих в русском языке под непосредственным влиянием цифровых коммуникативных практик молодежи. В работе рассматриваются процессы варваризации речи, экспансия сленга, деструкция синтаксиса, трансформация механизмов доверия к тексту (феномен «новой искренности»), а также когнитивные сдвиги, связанные с клиповым мышлением. Особое внимание уделяется педагогической проблематике: поиску стратегий сохранения нормы русского литературного языка и формированию медиаграмотности в условиях агрессивной цифровой среды.

Ключевые слова: русский язык, языковая норма, молодежный сленг, клиповое мышление, языковой вкус эпохи, цифровая коммуникация, поколение Z, медиаграмотность, культура речи, синтаксис, лексика, заимствования.

Современное информационное пространство характеризуется стремительной динамикой изменений коммуникативных норм. Цифровая среда трансформирует способы взаимодействия, меняя правила языкового поведения буквально каждые 3–5 лет. Главным объектом этого воздействия выступает молодежная аудитория – школьники и студенты, когнитивное и речевое развитие которых неразрывно связано с потреблением цифрового контента.

Специфика текущего момента заключается в том, что молодежь выступает активным потребителем цифровой продукции нового типа. Именно под запросы этой аудитории подстраиваются алгоритмы социальных сетей и создатели контента. Чтобы удержать внимание молодого пользователя в условиях информационной перегрузки, тексты неизбежно упрощаются, становясь более короткими, эмоционально насыщенными и визуально ориентированными. Это приводит к тому, что сленговые конструкции и упрощенные синтаксические модели, характерные для цифровой среды, начинают вытеснять литературную норму из повседневной коммуникации.

Актуальность данного исследования диктуется острой социальной необходимостью осмысления этих процессов с позиций филологии и педагогики. Язык молодежи характеризуется тенденцией к деструкции традиционных норм русского литературного языка. Мы сталкиваемся с феноменом, который можно определить как «варваризацию» речевой культуры: массовая интеграция заимствований, искажение орфографии и редукция синтаксиса до уровня примитивных сигналов становятся маркерами принадлежности к цифровому сообществу. Это уже не временная молодежная субкультура, а новая коммуникативная реальность, оказывающая непосредственное влияние на формирование мышления подрастающего поколения.

Как отмечают педагоги и психологи, упрощение языка неизбежно ведет к упрощению смыслов [1, 10]. «Клипный» язык способен передать эмоцию, но не мысль; он описывает мгновенное состояние, но бессилён перед сложной логической конструкцией. В этом контексте сохранение глубины и богатства

русского языка становится центральной филологической и педагогической задачей современности.

В данной статье мы постарались провести лингвистический анализ трансформации русского языка в молодежной среде, выявить механизмы влияния архитектуры цифровых платформ на синтаксическую и лексическую структуру речи и предложить педагогические стратегии защиты языковой нормы. Исследование базируется на фундаменте отечественной школы лингвистики, однако классические теории требуют серьезного переосмысления в контексте реалий 2020-х годов.

Классическое определение текста подчеркивает неразрывную связь вербального компонента и свойств канала передачи. Но сегодня мы должны пойти дальше и признать: канал передачи диктует структуру текста жестко и бескомпромиссно. Применительно к современности это означает, что архитектура платформ типа TikTok* или YouTubeShorts* – с их ограничением по времени, вертикальным форматом и ставкой на визуальный шок – физически не позволяет существовать сложному синтаксису.

Текст превращается в **поликодовый гибрид**, где вербальный компонент играет подчиненную роль по отношению к видеоряду, звуку и наложенным эффектам. Смысл больше не «вычитывается», он «считывается» комплексно. Это фундаментально меняет когнитивную нагрузку: мозг учится декодировать образы, но разучивается следить за линейной логикой повествования. Как справедливо отмечает А.А. Леонтьев, «изменение способа восприятия информации неизбежно влияет на способность к порождению речи» [6, 9].

Концепция «языкового вкуса эпохи», введенная В.Г. Костомаровым, позволяет описать то, что общество считает модным, актуальным и правильным в языке в данный исторический момент [3]. Языковой вкус – это не предписание, а живая динамика речевых предпочтений, которая формируется под влиянием доминирующих медиа и социокультурных трендов. Анализируя коммуникацию 2024–2026 годов, мы приходим к выводу, что современный

*Ограничены в использовании на территории Российской Федерации

«языковой вкус», формируемый алгоритмами социальных сетей, представляет собой вкус **клиповой агрессии** и тотального упрощения.

Если попытаться конкретизировать этот термин, то «клиповая агрессия» 2026 года характеризуется следующими признаками:

Скорость и фрагментарность. Весь контент максимально сокращен – рассуждения делятся 15-60 секунд. Задача не раскрыть тему, а привлечь внимание с первых секунд.

Шаблонность. Доминируют устойчивые речевые формулы, фразы-триггеры, которые моментально считываются аудиторией без необходимости думать.

Ориентация на желания аудитории. Автор перестает вести за собой – он идет от того, что хотят видеть. Контент создается «под запрос», а не «для размышления».

Агрессивная визуальность. Текст играет второстепенную роль; главенствуют резкие монтажные склейки, звуковые эффекты, яркие цвета – все, что может удержать взгляд хотя бы на секунду дольше.

В этих условиях язык обедняется, подстраиваясь под машинные алгоритмы ранжирования контента. Ажиотаж, сенсационность стали главными критериями успешности текста, вытеснив категории точности, красоты или логичности. В этих случаях современный языковой вкус – это вкус алгоритма, а не человека.

Трансформация языка в молодежных цифровых текстах во многом продиктована законом экономии речевых усилий, который в цифровом пространстве достигает своего абсолюта. В условиях дефицита внимания и высокой скорости потребления контента вербальный текст стремится к предельному минимализму, делегируя функции описания и оценки визуальным и звуковым компонентам.

Это приводит к формированию нового типа связности, где традиционные логические переходы заменяются ассоциативными связями или отсылками к прецедентным феноменам. В данном контексте язык рассматривается не как

статичная система правил, а как гибкий инструментарий, который жертвует избыточностью ради эффективности коммуникации. Смысловая нагрузка перераспределяется: текст становится лаконичным «якорем», в то время как основной контекст считывается через невербальные маркеры.

Современные исследования (LiveDune, СПбГУ, 2024) фиксируют беспрецедентный рост заимствований в речи молодежи. Язык поколения характеризуется массовой интеграцией англоязычных корней при сохранении русской грамматической основы [8]. Рассмотрим специфику этого процесса с точки зрения лексикологии:

1. Прямая транслитерация без адаптации. Слова *кринж* (*cringe*), *рофл* (*ROFL*), *вайб* (*vibe*), *пруф* (*proof*), *краш* (*crush*), *чилл* (*chill*) вытесняют русские эквиваленты (*стыд*, *смех*, *настроение/атмосфера*, *доказательство*, *возлюбленный*, *отдых*) не потому, что в русском языке нет подходящих слов, а потому что английский термин кажется более «модным», глобальным и кратким. Как справедливо отмечает Л.П. Крысин, «заимствование в современных условиях часто мотивировано не языковой необходимостью, а социальным престижем» [5].

2. Эмоциональная компрессия. Сленговые слова действуют как «архиваторы» смыслов. Слово «кринж» заменяет собой целый спектр ощущений: неловкость за другого, стыд, отвращение, недоумение. Подростку проще употребить этот ярлык, чем рефлексировать над оттенками своих чувств. Это ведет к атрофии эмоционального интеллекта – умения тонко различать и называть свои эмоции. С точки зрения культуры речи, как подчеркивает Л.К. Граудина, «утрата богатства синонимического ряда ведет к обеднению мышления» [2].

3. Высокая скорость устаревания. Лексика цифровой среды живет циклами трендов. Слово, которое было популярно полгода назад (например, «ауф»), сегодня уже может восприниматься как безнадежно устаревшее.

Пожалуй, самым разрушительным последствием цифровизации для русского языка является изменение синтаксического строя речи. Формат

коротких видео (15-60 секунд) и ограничение знаков в сообщениях сформировали привычку к «клиповому» восприятию. Мы наблюдаем процесс стремительного исчезновения сложных синтаксических конструкций. В письменной речи школьников и студентов редуцируются причастные и деепричастные обороты, сложноподчиненные предложения.

Парцелляция. Дробление одной мысли на серию коротких, рубленых фраз. Как отмечает М.Н. Кожина, парцелляция в художественной речи – стилистический прием, но в бытовой коммуникации молодежи она становится единственной доступной моделью [4].

Отказ от пунктуации. Знаки препинания (особенно точки в конце предложений) несут теперь не грамматическую, а эмоциональную нагрузку. Точка в конце сообщения в мессенджере воспринимается как знак обиды, холодности и прекращения разговора. Запятые игнорируются как «визуальный шум». Как справедливо указывает Д.Э. Розенталь, пунктуация служит «каркасом логики высказывания, и её утрата ведет к невозможности выражения сложной мысли» [7]. Молодежная аудитория все активнее реагирует на тексты, написанные реальным человеком, а не безликой организацией. Официальный, выхолощенный язык вызывает инстинктивное недоверие. В результате даже крупные компании вынуждены персонализировать свою коммуникацию, имитируя неформальный стиль в социальных сетях: используют провокационный тон, иронию над конкурентами, допускают намеренную небрежность в формулировках.

Проблема не в самой норме литературного языка, а в том, как её преподают и транслируют. Литературная норма может и должна быть живой, эмоциональной, выразительной. Как отмечает Л.К. Граудина, культура речи — это не застывший свод запретов, а живой процесс поиска точного слова для выражения мысли [2]. Наша задача – показать молодежи, что владение нормой расширяет, а не ограничивает возможности самовыражения. Задача современной педагогики – не бороться с неизбежными процессами цифровизации, а возглавить процесс осмысления языковых изменений. Мы

видим решение в формировании медиаграмотности как базовой компетенции цифрового века. На уроках необходимо разбирать не только тексты классиков русской литературы, но и современные цифровые тексты: посты блогеров, рекламные слоганы, комментарии в социальных сетях. Нужно показывать, как устроен этот текст с точки зрения синтаксиса и лексики, какие приемы манипуляции в нем используются, почему автор выбрал именно это слово. Это развивает критическое мышление и формирует навык лингвистического анализа.

Проведенный анализ показывает, что русский язык в условиях цифровизации подвергается серьезным трансформациям на всех уровнях: лексическом (массовое заимствование англицизмов), синтаксическом (редукция сложных конструкций) и стилистическом (размывание границ литературной нормы). Молодежная коммуникация формирует новый «языковой вкус», характеризующийся клиповой агрессией, шаблонностью и отказом от глубины.

Однако понимание социальных причин этих процессов не должно вести к их оправданию. Задача филологической науки и педагогики русского языка – доказать, что грамотная, богатая, нормативная речь не противоречит искренности и современности. Литературная норма может и должна быть живой, эмоциональной и функционально ценной.

Педагогические стратегии должны быть направлены не на запреты, а на формирование медиаграмотности, развитие навыков лингвистического анализа и демонстрацию практической ценности владения сложным литературным языком. Только через осознанное отношение к языку как к инструменту мышления можно сохранить культурный код русской речи в условиях агрессивной цифровой среды.

Список литературы:

1. Еловская С.В., Черняева Т.Н. Интерактивное обучение в высшем образовании // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Акмеология образования. Психология развития. 2019. Т.8. №1. С. 83-87.

2. Граудина Л.К., Ширяев Е.Н. Культура русской речи: Учебник для вузов. М.: Норма, 2001. 250 с.

3. Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи: Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. СПб.: Златоуст, 1999. 120 с.

4. Кожина М.Н. Стилистика русского языка. М.: Флинта: Наука, 2008.
Солганик Г.Я. Авторское «я» в публицистике // Проблемы медиалингвистики. М.: МГУ, 2012. 260 с.

5. Крысин Л.П. Русское слово, свое и чужое: Исследования по современному русскому языку и социалингвистике. М.: Языки славянской культуры, 2004. – 180 с.

6. Леонтьев А.А. Психалингвистика. М.: Смысл, 2005. – 160 с.

7. Розенталь Д.Э. Практическая стилистика русского языка. М.: Высшая школа, 1987. 110 с.

8. Рыбальченко О.И. К проблеме лингвистического анализа художественного текста в школе // Наука и образование. 2022. Т. 5. № 2.

9. Рыбальченко О.И. Роль художественного текста в патриотическом воспитании обучающихся // Наука и образование. 2020. Т. 3. № 2.

10. Сидорова И.В. Инновационная деятельность педагога в свете проблемы теории и практики // Наука и Образование. 2020. Т. 3. № 1.

UDC81.42

**RUSSIAN LANGUAGE IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION:
YOUTH COMMUNICATION AND PEDAGOGICAL STRATEGIES**

Olga I. Rybalchenko

candidate of philological sciences, associate professor

rybalchenkoo@yandex.ru

Nikita D. Chendev

student

chendev2003@gmail.com

Michurinsk State Agrarian University

Michurinsk, Russia

Abstract. This article attempts to provide a comprehensive analysis of the stylistic, structural, and cognitive changes that are taking place in the Russian language under the direct influence of digital communication practices among young people. The article examines the processes of speech barbarization, the expansion of slang, the destruction of syntax, the transformation of trust mechanisms in text (the phenomenon of "new sincerity"), and the cognitive shifts associated with clip-based thinking. Special attention is given to pedagogical issues, including the search for strategies to preserve the norms of the Russian literary language and the development of media literacy in an aggressive digital environment.

Keywords: Russian language, language norm, youth slang, clip thinking, language taste of the era, digital communication, generation Z, media literacy, speech culture, syntax, vocabulary, and borrowings.

Статья поступила в редакцию 25.02.2026; одобрена после рецензирования 20.03.2026; принята к публикации 31.03.2026.

The article was submitted 25.02.2026; approved after reviewing 20.03.2026; accepted for publication 31.03.2026.